

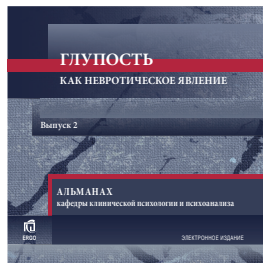
ТЕМА ГЛУПОСТИ В ИЗДАНИИ ERGO

Новая книга

Альманах кафедры клинической психологии и психоанализа

Выпуск 2

Глупость как невротическое явление

ISBN 978-5-98904-237-1
84×108 1/32
146 с., e-book

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

С.Ф. Сироткин
Заметки о «бытии» глупости

И.Н. Чиркова
Тема глупости в анекдотах про Вовочку

Классические тексты

Карл Ландауэр
К психосексуальному генезу глупости

Карл Ландауэр
Интеллект и глупость

Берта Борнштейн
К психогенезу псевдодебилности

Мелани Кляйн
Вклад в теорию интеллектуального торможения

Эдмунд Берглер
К проблематике псевдодебилности

Ex ERGO LIBRIS

«Глупость связана с тем, что человек проявляет либо необученность, либо неуместную обученность. В первом случае, он не способен решать задачи, возникающие перед ним, в силу того, что его действия не соответствуют требованиям задачи. Во втором случае, он неуместно применяет способы решения задачи к задачам иного свойства. Глупость — феномен высказывания, когда это высказывание отсылает к смыслу, не соответствующему настоящей ситуации. <...> Человеческая жизнь такова, что человек может научиться поступать правильным образом. Парадокс же состоит в том, что часто поступать надо не то чтобы правильно, а просто совершенно иначе. Разрыв между знанием и ситуацией его применения должен быть чем-то заполнен, концы должны быть связаны своеобразной шнуровкой, стягивающей две стороны действия. По этой шнуровке движутся желание и смысл. Желание притягивает знание к ситуации, а смысл возвращается от ситуации к знанию. Глупость проявляется в разрывах этой шнуровки, в разрывах связей между знанием, ситуацией и смыслом, в разрыве самого смысла, когда он не выполняет функцию обратной связи».

С.Ф. Сироткин. Заметки о «бытии» глупости

«При глупости врата органов чувств в значительной мере закрыты, но они заперты только перед неприятными фактами. В сказке глупец не видит, что стоит перед безобразным чудовищем, вещь, которая, собственно, невозможна, например, человеком, носящим свою голову под мышкой. Он не видит кастрацию, не хочет ее видеть. Да ладно, это просто такое же существо, как я и ты. Я многого не вижу, я много не спрашиваю. Зачем мне бояться? Глупость преодолевает страх, подобно тому, как это делает и ее противоположность: это способность целенаправленно оттягивать либидо с внешнего мира и обращаться к словам, картинам представлений и понятиям, живущим в человеке. Ведь если сделать это, картинами представлений и словами можно включить размышления, играючи убрать из них опасности и так в фракционированной терпимой форме покончить со страхом и снова бесстрашно обратиться к внешнему миру и теперь правильно оценить опасности и избежать их. Но поскольку глупость и рассудительность происходят из одного корня, поэтому они всегда живут в таком тесном соседстве, что перепутываются не только ветви, но и стволы».

К. Ландауэр. К психосексуальному генезу глупости

«Идентификация с родителями, не позволяющими влечение, представляет собой для ребенка путь отказа от агрессивий и инцестуозных желаний, одновременно путь вынесения отречения, поскольку на место недостижимой объектной цели ставится достижимая цель Я. Результатом становится развитие Я в духе желаний, которые предъявлял ребенку изначальный любовный объект, то есть развитие в Я способности к сублимации. Способность человека к сублимации определяется не только притязанием влечения, которое должно быть отклонено, но и развитием его Я, которое отчасти выстраивается из влияний интернализированной окружающей среды. Поэтому особенный недостаток сублимаций будит подозрение в расстройстве в остальном нормальных идентификаций, а оно опять же, с одной стороны, восходит к поведению родителей во время заката эдипова комплекса, с другой стороны, — к неспособности к нормальному принятию объекта, обусловленной в прегенитальном оральном времени. Так, Я годовалого ребенка не в состоянии перевести свое анальное удовольствие от пачкания в рисование красками и водой, но четырехлетний ребенок способен на такую сублимацию, если его побуждает к этому его любовный объект или по меньшей мере если любовный объект дает понять, как сильно ему не нравится пачкание и нравится рисование. Таким образом, окружающий мир, не допускающий идентификации во время генитальных конфликтов ребенка, предстает как первая возможность появления расстройства идентификации и недостатка сублимаций».

Б. Борнштейн. К психогенезу псевдодебилности

Эдмунд Берглер

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПСЕВДОДЕБИЛЬНОСТИ

ЭДМУНД БЕРГЛЕР

ство, что Вы можете дать мне пощечину». Любой дальнейшей попытке подробнее остановиться на этой теме пациент препятствует стереотипным речевым оборотом: «Я Вас слышу, но я Вас не понимаю». На вопрос, чего он не понимает, он автоматически кричит, прикрывая уши ладонями: «*Не понимаю, не понимаю, не понимаю!*» При этом пациент демонстрирует проявления сильного страха. В следующие дни повторяется то же самое.

Ясно, что пациент рассматривает меня как *эжекутора его чувств вины*, наказания которого он еще провоцирует («подлец, жулик»). Было бы — теоретически — легко показать пациенту, что он повторяет. Однако для анализа, к сожалению, нужны двое, а пациент просто не хочет и не может. У него такой страх, что он вообще не может думать, и он ограждает себя от любой коррекции своих страхов нежеланием слушать: он закрывает уши ладонями. Он ничего не хочет знать о мотивах своего поведения, о желании наказания, упрямстве и т. д., очевидно, вообще хочет только получить свое наказание. В эти первые и все же столь опасные дни нет никакой возможности договориться с пациентом. К тому же появляется мать пациента и заявляет, что у нее кончилось терпение, она хочет интернировать сына, семейный врач, по ее словам, советует ей то же самое. Какой смысл, говорит она, имеет лечение, которое борется с «безумием» только словами? «Когда я продаю клиентам булки, пару добрых слов я говорю им в довесок. Думаете, клиенты стали бы платить мне за *одни* только слова? Где Ваш товар, господин доктор?»

В такой внутренне и внешне безутешной аналитической ситуации мы пытаемся *повернуть* существующую *ситуацию переноса*, уклониться от нее на несколько дней, пока не будет найден контакт. Поскольку самой большой трудностью является это стереотипное «Я не понимаю»,

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПСЕВДОДЕБИЛЬНОСТИ

это нежелание слушать и выставление себя глупым, я пытаюсь отнять у пациента самое сильное оружие его сопротивления следующим образом: меня как будто вовсе не заботит его «Я не понимаю», я *часами* рассказываю ему куски из других анализов со схожими ситуациями сопротивления, не устанавливая взаимосвязь с пациентом. Я словно анализирую в безвоздушном пространстве, пациент словно вовсе не играет роли. Будто ребенку без всякой тенденции рассказывают сказки¹. *Против* всех этих «историй» всегда был одним и тем же: *сексуальность дозволена*. Я рассчитываю на то, что пациент где-то и когда-то должен был иметь с отцом и позитивные отношения, и надеюсь, что, услышав о том, как неловко вели себя в своих сопротивлениях *другие* пациенты, он все же как-нибудь себя выдаст, покажет, что он понимает сопротивления других лучше. Я беспрерывно на протяжении многих часов говорю в уютной, приветливой, иногда остроумной манере и веду себя, таким образом, совершенно отлично от действительного отца. На этот раз реальность не была карикатурой на представление ожидания. При рассказе о примере одного точно так же псевдодебильного импотентного пациента, отвечавшего на указание на его сопротивление классическими словами: «Сопротивление? Вы правы, нужно быть способным на сопротивление», пациент говорит: «Вот недотепа, ему бы надо знать, что такое сопротивление». Этим лед был сломан; пациенту можно стало показать, что его «Я не понимаю» вовсе не правда, что он, напротив, очень хорошо понимает, что я имею в виду. Разумеется, я общаюсь с ним абсолютно *на равных*, что-то даю ему:

¹ Классическая техника в таких случаях, на мой взгляд, едва ли применима в *начале* анализа, нужно пытаться комбинировать ее с педагогическими мерами.

■ ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO» направляйте на email: market@ergo-izhevsk.ru